

УДК-328.1:354(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-146-157

МАКРОРЕГИОНЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА)

М. В. Назукина, К. А. Сулимов

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет:
научный сотрудник,
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук.
E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0190-0513).

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой политических наук,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

Аннотация

В фокусе статьи находится дискурс депутатов Госдумы РФ по поводу макрорегионов России в соответствии с положениями «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.». Стратегия принята Правительством РФ в начале 2019 г. и содержит несколько новаций в государственной политике пространственного развития страны, в частности вводит понятие «макрорегионы» и устанавливает их конкретные конфигурации, а также определяет «геостратегические территории» страны. Стратегия получила критическую оценку в литературе за декларативность и инерционность (например, сохранение привязки макрорегионов к сетке федеральных округов), неопределенность и/или противоречивость целей и смыслов пространственного стратегирования. Представляется, что одной из причин неудовлетворительного качества Стратегии является общая дискурсивная неопределенность и непроясненность возможного территориального развития страны в представлениях российского политико-управленческого класса. Заметным сегментом этого класса является депутатский корпус Госдумы. В представленном в статье анализе проверяется это предположение на материале выступлений депутатов на пленарных заседаниях с упоминаниями российских макрорегионов. Набор данных – выборка стенограмм, обработанных с использованием информационной системы (ИС) «Семограф» – охватывает период 2004–2019 гг. и включает около 150 тыс. выступлений более, чем тысячи депутатов, распределенных по партийным фракциям и четырем созывам. Результаты анализа показывают особое внимание депутатов к удаленным и пограничным территориям, прежде всего, к «дальнему востоку» и «северу», что соответствует логике выделения «геостратегических территорий» в Стратегии. Однако анализ смыслового наполнения выступлений, связанных с уральским макрорегионом, обнаруживает его своеобразную пустоту. Общая картина взгляда депутатов на территорию попадает в сложившиеся представления об Урале: индустриальность и связь со значимыми историческими сюжетами, а также граничность – функция разделения страны. Сам Урал остается малопроявленным и малопроясненным в конкретном контексте настоящего и будущего.

Ключевые слова: Россия; будущее; Государственная дума; территориальный образ; макрорегион, Урал; контент-анализ; дискурс-анализ; пространственное развитие; государственная политика

Вопросы территориального устройства России – в политическом, социальном, экономическом, культурном etc. измерениях – всегда были значимы и привлекали внимание. В недавнее время

опять актуализирована проблематика переустройства структуры страны на надрегиональном уровне. Речь, прежде всего, идет о так называемых макрорегионах – супертерриториальных сущностях или суперсубъектах, преобразования над которыми осуществляются как на уровне федеральных округов, так и на уровне экономических районов. Если еще десятилетие назад данный термин не был артикулирован на политическом уровне, то в настоящее время он все активнее входит в оборот официальной риторики. Само понятие макрорегионы институционализируется в официальном дискурсе через закрепление в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.»¹. Стратегия утверждена Правительством РФ в начале 2019 г. и содержит несколько новаций в государственной политике пространственного развития страны. Кроме понятия «макрорегионы» также появились «перспективные экономические специализации субъектов Российской Федерации», «перспективные центры экономического роста» и «геостратегические территории». Само появление Стратегии приветствовалось, но ее содержание получило скорее критическую оценку в литературе. И в целом – за неопределенность «зафиксированных в Стратегии приоритетов и целей пространственного стратегирования, отсутствие четких представлений о сути и задачах целого ряда институциональных новаций этого документа» (Иванов, Бухвальд, 2021: 7). И в отношении конкретных аспектов, в частности, за сохранение привязки макрорегионов к сетке федеральных округов, что, видимо, было продиктовано административно-политическими соображениями, но ставит под вопрос «реальный смысл выделения макрорегионов и разработки стратегий их социально-экономического развития» (Кузнецова, 2019: 122–123). Детальный анализ распределения предложенных в Стратегии перспективных региональных экономических специализаций и перспективных центров экономического роста обнаруживает декларативность приоритетного развития геостратегических территорий над остальными – регионы, соответствующие этим территориям, «объединяет только одно – географическое положение на окраинах России» (Блануца, 2020: 33). Стратегия, несмотря на предлагаемые понятийные новации, фактически является инерционной, продолжающей прежнюю региональную политику государства (Лексин, 2019).

Отмечается, что Стратегия готовилась без необходимого широкого экспертного обсуждения (Кузнецова, 2019). И даже если какие-то эксперты привлекались, разумно предположить, что в стратегии, наряду с конкретными ведомственными, политическими, административными и прочими интересами, реализовались более широкие представления о настоящем, желаемом и возможном будущем территориального устройства страны среди российского политико-управленческого класса. Одним из сегментов этого класса является депутатский корпус Государственной думы. Саму Стратегию депутаты не обсуждали (она лишь несколько раз упоминалась), ее рассмотрение и принятие не входит в полномочия думы. Однако пространственные аспекты образа страны являются одной из важных тематических линий депутатского дискурса в процессе обсуждения и принятия законопроектов, а также других вопросов и документов на пленарных заседаниях. В обсуждениях регулярно присутствуют сюжеты, связанные со стратегическим планированием и выбором перспективных моделей территориального устройства, оптимизацией системы АТД страны, с вопросами границ страны, уникальности составных частей (регионов), их развитием и прочим (Назукина, Сулимов, 2021). Депутаты активно используют в своей речи устойчивые словоформы, которые можно связать с макрорегионами: «Дальний Восток», «Сибирь», «Северный Кавказ», «Урал», «Поволжье» и прочие. Мы не предполагаем непосредственной каузальной связи между депутатскими представлениями и текстом Стратегии, но исходим из того, что они являются, хотя бы отчасти, индикатором некоторых общих, базовых представлений всего политико-управленческого класса. Депутатский дискурс выступает необходимым фоном для рассмотрения и принятия политико-управленческих решений, требующих законодательного регулирования, в том числе в отношении территориальных аспектов существования страны. При этом нет сомнений в том, что в принципиальных политических решениях нынешняя Дума будет следовать предложениям исполнительной власти, но в массе отдельных конкретных вопросов

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р. Сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

она (группы депутатов) способна оказывать давление на инициаторов решений или инициировать собственные.

За годы существования думы депутаты наговорили довольно значительные объемы «текстов». В рамках данного исследования была использована часть специально созданной в середине 2019 г. базы данных выступлений депутатов, извлеченных из стенограмм пленарных заседаний Государственной думы², весь массив с 1994 по 2019 гг. включает 324 тыс. выступлений/реплик (27 млн словоупотреблений) от порядка двух с половиной тысяч депутатов и других лиц. Такие объемы требуют специальных инструментов анализа, поэтому данные обрабатывались в информационной системе «Семограф»³, позволяющей осуществлять поиск и фильтрацию отдельных словоупотреблений (термы) и их контекстов (выступлений/реплик), использовать поля и метаполя, создавать семантические карты и графы, и прочее (общий дизайн технологии работы с дискурсом депутатов ГД по этой базе см. в: Белоусов и др., 2020).

В данной статье на примере одного из макрорегионов (Урал) мы проанализируем возможные смысловые наполнения пространственных измерений дискурса депутатского корпуса, чтобы прояснить степень предметной ориентированности представлений депутатов, их схожесть или отличие от общераспространенных представлений.

Урал в общераспространенных представлениях и в тексте Стратегии

Согласно Стратегии, к числу принципов выделения макрорегионов относятся: соседское положение субъектов, схожие природно-климатические и социально-экономические условия для жизни и экономической деятельности, значительный потенциал межрегионального взаимодействия и кооперации, наличие в составе одного или нескольких крупнейших и (или) крупных центров экономического роста, наличие (или возможность создания) объектов отраслей социальной сферы федерального значения, способствующих повышению транспортной доступности, оказания услуг указанных отраслей в пределах макрорегиона, наличие (или возможность создания) объектов транспортной, энергетической, информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающих связанность субъектов... и выход к международным рынкам или транспортным коридорам «Запад – Восток», «Север – Юг». Согласно документу, создание макрорегионов учитывает специализацию регионов России и особенности территорий.

В качестве кейса для исследования был выбран макрорегион Урал, что обусловлено в первую очередь устойчивостью и укорененностью этого территориального образования и представлений о нем. По поводу названия макрорегиона в науке сложилось несколько версий (Матвеев, 1961). Несмотря на отсутствие единой точки зрения о происхождении названия важно зафиксировать связь названия территории и названия горной цепи. Фактическая граница, которая проходит между Европой и Азией по Уральским горам накладывает важные символические функции, которые выполняет территория уральского макрорегиона.

Экономисты называют особый тип крупного региона, который складывается в центральной, стратегически важной части страны «срединным регионом». А. И. Татаркин отмечает, что такие регионы в истории всегда «притягивали к себе производство, население, финансы, управленческие функции» (Татаркин, 2005: 5). Также для них характерна производственно-технологическая и социально-культурная связанность, и «наличие мощного ядра или нескольких ядер, в качестве которых выступают крупнейшие города, обладающие официальным статусом административно-политических, экономических, организационных центров субъектов РФ» (Анимица, Глумов, 2006: 171).

Таким образом, отличительная черта Урала – его расположение: в середине страны. Уральский регион в этом контексте рассматривается как территория, цементирующая Европу и Азию, имеющая важное статусное значение для экономического потенциала страны. Исследования демонстрируют, что основу уральского макрорегиона составляет экономический дискурс. Интервью с экспертами показывают, что представления о наличии огромных ресурсов, мощного промышленного

² База данных стенограмм заседаний Государственной думы. [электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 23.10.2021).

³ Информационная система "Семограф" [электронный ресурс]. URL: <https://semograph.org/> (дата обращения: 23.10.2021).

потенциала неразрывно связаны с Уралом. Общая стратегическая (индустриальная) роль в общей системе государства формирует уральскую особость: *«Урал как область, символ и метафора – он конечно существует. Если выделять ключевой маркер, о котором говорят – это понятие горнозаводской цивилизации. Ментальность, связанная с тем, что здесь когда-то были организованы заводы как основа для поселений, которые становились структурообразующими звеньями. Это исторически. А дальше – это и Хребет Урала. Пересечение культур, особая ментальность, связанная с ценностью труда, мастерства. Это то, о чем писал Алексей Иванов»*⁴.

Другая, дополнительная, но важная черта уральской самости обусловлена тем, что на протяжении долгого исторического времени Урал представляет собой «промежуточную и соединяющую территорию» (Назукина, 2015). Граница эта особого типа: *«Вообще Урал был всегда таким фронтиром, а во фронтире всегда возникает специфическое ощущение. Вот эта вся горнозаводская мифология («мы здесь хребет державы») оставляла ощущение, что мы здесь что-то такое полезное делаем и вообще мы такие боевые ребята»*⁵.

Конструируемая интеллектуальным дискурсом особость Урала вопрос о его границах связывает с наличием ядра регионов, которые воспроизводят горнозаводскую специфику. Безусловным центром этого макрорегиона считается Екатеринбург: *«У нас получается так. Когда мы говорим «уральская идентичность», мы подразумеваем «екатеринбургская». Эти две вещи, они отождествляются. Мы фактически приватизировали термин «Урал». Пермь – это уже не Урал. Челябинск – это Южный Урал»*⁶, *«в советское время выпускалось много духовного продукта под маркой «Урал». И материального (Уралмашизавод). У людей застряло, что они не просто живут в каком-то городе, а еще и на Урале. Такое же есть у сибиряков, например»*⁷. Помимо Екатеринбурга, традиционно частью Урала считают Челябинскую область. Пермский край, отнесенный к Приволжскому федеральному округу, по мнению экспертов постепенно утрачивает на уровне ценностей уральскую специфику.

В целом, определение границ Уральского региона различается в зависимости от критериев проведения границ. Административные границы Урала связаны с определением субъектов России, которые включаются в Уральский федеральный округ, к которому были отнесены Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО.

Авторы Стратегии пространственного развития России на период до 2025 г. при определении макрорегионов явно опирались на имеющуюся сетку федеральных округов. Из восьми имеющихся округов четыре стали макрорегионами, каждый из четырех прочих был разделен на два макрорегиона (Блануца, 2020).

Уральский федеральный округ стал Уральско-Сибирским макрорегионом, включающим Курганскую область, Свердловскую область, Тюменскую область, Челябинскую область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, Ямало-Ненецкий автономный округ. В составе Приволжского федерального округа был выделен Волго-Уральский макрорегион, включающий Республику Башкортостан, Оренбургскую область, Пензенскую область, Самарскую область, Саратовскую область, Ульяновскую область. А, например, Пермский край, традиционно считавшийся Западным Уралом и входящий в Приволжский федеральный округ, оказался включен в Волго-Камский макрорегион (вместе с Республикой Марий Эл, Республикой Мордовия, Республикой Татарстан, Удмуртской Республикой, Чувашской Республикой, Кировской областью, Нижегородской областью).

Однако с точки зрения социально-экономического определения границ Уральского макрорегиона на основе экономических районов в состав Урала могут включать Пермский край, Свердловскую область, Челябинскую область, Курганскую область, Оренбургскую область, Республику Башкирия и Республику Удмуртия. Указанный состав Урала рассматривается как «относительно целостное территориально-экономическое образование»: *«Взаимосвязанное и взаимообусловленное разви-*

⁴ Интервью с экспертом-культурологом, доктором наук, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

⁵ Интервью с экспертом-политологом, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

⁶ Интервью с экспертом-политологом, кандидатом наук, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

⁷ Интервью с общественным деятелем, Екатеринбург, декабрь 2019. Архив автора

тие семи субъектов РФ привело к образованию единого регионального экономического пространства, основу которого образует исторически сложившийся индустриальный комплекс с доминированием отраслей машиностроения, металлургии, горно-химического, нефтегазохимического, лесопромышленного, агропромышленного, топливно-энергетического и строительного-промышленного производства» (Бенц, 2020).

Таким образом, границы Урала подвижны в зависимости от основания. Это также актуализирует вопрос видения границ в риторике депутатов ГД РФ, осмысления специфики макрорегиона и перспектив его развития.

Методы и данные

Исследование текстов стенограмм депутатского корпуса ГД РФ основывается на синтезе количественной и качественной методологии. Основным методом является количественный контент-анализ (White and Marsh, 2006). При работе над кодификатором и определением единиц анализа использовалась логика, при которой на основе экспертного опроса⁸ и выявления семантического ядра были определены ключевые категории, структурирующие территориально-политический образ в риторике депутатского корпуса.

Поскольку актуальная структура российского парламента (прежде всего фракционная, с воспроизводимыми ядерными группами депутатов в каждой фракции) сложилась в период работы 4-го созыва Думы, для анализа были взяты тексты выступлений депутатов, начиная именно с этого созыва: 4-й (2003–2007 гг.), 5-й (2007–2011 гг.), 6-й (2011–2016 гг.) и 7-й (2016–2019 гг.). Наш набор данных охватывает период 2004–2019 гг. и включает около 150 тыс. выступлений более, чем 1 000 депутатов, распределенных по партийным фракциям и четырем созывам. С помощью специального программного обеспечения «Семограф» был проведен контент-анализ.

Для анализа депутатского дискурса применительно ко всем возможным макрорегионам страны все тексты реплик каждого депутата были предварительно обработаны с помощью библиотеки SloVNet⁹, реализующей извлечение именованных сущностей из текстов на естественном языке на основе методов глубинного обучения. В текстах реплик были выделены следующие категории сущностей: личность (PER), организация (ORG), географический объект (LOC). Последняя категория включает в себя термины, которые связаны с устоявшимися макрорегионами страны (Дальний Восток, Сибирь, Урал и прочие). В табл. 1 представлены данные по количеству выступлений, в которых упоминаются макротерритории России.

Таблица 1

Количество выступлений депутатов с упоминанием макротерриториальных сущностей

Территория	Кол-во выступлений
Дальний Восток	1728
Север	1274
Сибирь	770
Северный Кавказ	479
Урал	258
Центр	153
Поволжье	106
Юг	90
Северо-Запад	55

Источник: составлено авторами.

⁸ См. подробнее: Назукина, Сулимов, 2021.

⁹ SloVNet [online]. Available at: <https://github.com/natasha/slovnet> (Accessed: 12th August 2020).

Видно, что особое внимание депутаты уделяют удаленным и пограничным территориям, прежде всего, «дальнему востоку» и «северу». Это в целом соответствует логике выделения в Стратегии «геостратегических территорий» как территорий важных для обеспечения национальной безопасности страны. Урал занимает довольно скромное место на фоне других.

Для углубленного анализа был осуществлен отбор выступлений депутатов через поиск слова «Урал» в разных склонениях через информационную систему экспертного и машинного анализа языкового контента «Semograph». Всего было отобрано 258 выступлений, в которых содержался дискурс об Урале. Данные выступления структурировались по следующим направлениям:

- географическая связь говорящего (факт избрания от региона, который относится к Уралу или не относится: уральская/внешняя привязка);
- фракционная принадлежность автора выступлений об Урале;
- содержательно-тематический контекст выступления (исходя из смысловой повестки речи);
- временной ориентир контекста выступления по оси прошлое – настоящее – будущее.

Вариации депутатского дискурса об Урале

Формальный срез по соотношению депутатов, говорящих об Урале с их географической привязкой (избранием от уральского региона), показывает, что только 10 % выступлений (26) могут быть соотношены по принципу локальности говорящего. Из них 11 выступлений – это речи депутатов от Свердловской области. Таким образом, традиционное представление о локомотивной роли Свердловской области и Екатеринбурге как центре макрорегиона подтверждается и числом выступлений об Урале. Пермский край и Челябинская область имеют по 4 и 3 текста от своих депутатов об Урале.

Наибольшее, из депутатов, избравшихся по одномандатным округам, число упоминаний Урала (19 текстов) связано с выступлениями депутатов от Новосибирской области, в частности А.Е. Локотя (депутат в IV, V, VI созывах, КПРФ). При этом важно отметить, что его дискурс опирается на словоформу «За Уралом», или наименованием Сибири и Дальнего Востока как территории, которая находится «за Уралом», т.е. в таких выступлениях речь фактически идет не об Урале, а о той части страны, которая находится за Уральским хребтом: «*Теперь о развитии территорий. Из шести зон только одна за Уралом. Вы знаете, политика «за Уралом для нас земли нет», приведет к краху» (2006 г.); «В Сибири, за Уралом засуха» (2012 г.); «Второе - удалённость. Ну, я понимаю, пока за Урал не заедешь, этой удалённости, этой протяжённости территорий субъектов не почувствуешь (2013 г.)»¹⁰ и др.*

Показательность ключевой линии данных выступлений, значимых для характеристики уральского макрорегиона, заключается в том, что они подтверждают и дискурсивно воспроизводят граничную задачу территории Урала (фронтирность). В таких выступлениях есть «за Урал» и то, что до него, то есть Урал проводит границу, не только географическую, но и символическую по территории страны. При этом «за Урал» он другой, он удаленный, крупный, и он требует других решений. Следовательно, в таком дискурсе, самостоятельность территории в будущем должна учитываться более основательно.

Среди всех депутатов Жириновский В. В. (лидер партии ЛДПР) является автором большей части текстов, в которых упоминается Урал (71 выступление или 27,5% всех текстов). По оценке «внешний – свой» он, безусловно, относится к внешним акторам, и воспроизводит доминирующие по доле представленности в дискурсе об Урале смыслы. Характеризуя его содержательные аспекты, выделим несколько важных смысловых пластов. Во-первых, автор понимает территорию Урала как особую часть страны: «*у нас Сибирь, Урал и центр России» (2014 г.)*. При этом в качестве ключевого маркера особенности выделяется граничность территории: «*А могло бы быть паломничество туда. Урал - граница Азии и Европы. Где туристы, которые едут туда, чтобы встать в точке, откуда метр в сторону - Азия, метр в другую - Европа?» (2018 г.)*.

¹⁰ Цитируется здесь и далее на основе базы стенограмм в Semograph. Архив авторов.

Во-вторых, территория – фронтир делит страну, на востоке которой остается «за Уралом» – это Сибирь и Дальний Восток. Образ «за Уралом» отчетливо представлен в парламентском дискурсе В.В. Жириновского и воспроизводится как земля неосвоенная и богатая природными ресурсами: «Значит, вы не хотите осваивать территории за Уралом. Тогда честно скажите: граждане, потихонечку сворачивайтесь, пакуйте чемоданы» (2004 г.); «И водные запасы огромные, но в европейской части всего 10%, остальное - за Уралом» (2006 г.). При этом «за Уралом» имеет стратегическое значение и должен особым образом рассматриваться в практике принятия решений, иметь особые налоговые и социальные льготы: «Коэффициент: за Уралом людям в два раза больше платить, а налоги пусть будут меньше в два раза, а в Сибири и на Дальнем Востоке - в три раза, и всё, там будет население. За Уралом вообще можно сделать сплошную оффшорную зону» (2005 г.); «Все социальные льготы должны идти сперва за Урал, 100 процентов» (2006 г.).

Третье измерение – историческое или Урал в истории страны. Автор упоминает восстание Пугачева и расстрел царской семьи как значимые вехи истории макрорегиона: «Ведь восстание Пугачёва специально подняли на Урале, чтобы разрушить военную промышленность ещё той, царской России...» (2007 г.); «Царь ничего не смог сделать, всё защищал помещиков - доигрался, его расстреляли рабочие с Урала» (2008 г.). К этому дополняются смыслы современной политической истории о родине первого российского президента Б.Н.Ельцин: «Или Ельцин: наплевать ему было на Советский Союз, на всё, он с Урала приехал, он решил, что должен в Кремле сидеть» (2011 г.) и Екатеринбурге как центре Урала: «Пусть там будет центр истории Урала: история Урала – пожалуйста, можно указать, где родился Ельцин, как он там работал, уехал в Москву и прочее» (2018 г.).

Будущее Урала рассматривается В. В. Жириновским в контексте геополитических угроз России. В частности, автор довольно часто в стенах Государственной думы поднимал вопрос о привлекательности территории Урала и Сибири для миграции со стороны государств Средней Азии и опасности соседства: «потом Иран наведёт порядок в Афганистане, и мы получим мощное исламское государство. И они подойдут к Уралу и к Сибири, туда подойдут они через десять лет, вот увидите, в 2016 г. я буду здесь выступать и вам говорить: "Ну что, у нас Сибирский военный округ воюет?" Будет воевать» (2006 г.); «Вынужденно миллионы хлынут сюда, из Афганистана уйдут, миллионы хлынут на Урал и в Сибирь» (2008 г.); «И тогда миллионы беженцев - Урал, Сибирь, всё это будет в ближайшие десять лет» (2009 г.).

В целом вектор дискурса будущего ориентирован на «За Урал» и связан с особой политикой в отношении к этой территории: «Полностью отменить налоги – и вы увидите, как там начнется экономический бум. Вообще освободить! И этот эксперимент потом ввести от Сибири до Урала, вот тогда у нас будет полное освоение Сибири, туда поедут те, кто заинтересован в безналоговой экономике, и там будет экономический взрыв» (2005 г.); «И стимулировать переезд людей за Урал, тогда мы сразу решаем проблему: и детей больше, и там, где нам надо, – за Уралом» (2006 г.).

Тематический контекст дискурса об Урале

Выступления депутатов были систематизированы по тематическим направлениям, проявляющихся в акцентировании различных специфических особенностей макрорегиона. Словарь категорий включал определение ключевых контекстов речей по доминирующей теме выступлений через их анализ в программе для проведения контент-анализа QDA Miner Lite.

Таблица 2

Контексты дискурса об Урале

Экономика	55
Социальная сфера и вопросы демографии	52
Политика	30

Продолжение табл. 2

История	26
Природа	16
Инфраструктура	13
Законодательство	12
География	11
Культура	10
Образование	9
Армия	9
Границы	7
Наука	4
Местное самоуправление	2
Национальная политика	2
Общий итог	258

Источник: составлено авторами.

Как видно из таблицы, доминирующими контекстами упоминания уральского макрорегиона в дискурсе депутатов выступают экономические и социально-демографические. Урал и «за Урал» рассматриваются как территории богатые природными ресурсами, но при этом малозаселенные: «*Почему дешевле, мы говорим, в Сибири, за Уралом, до Байкала, за Байкалом? Да потому, что все мощнейшие реки находятся там, все самые мощные гидростанции находятся там*» (2007 г.); «*От Дальнего Востока до Урала живёт всего 27 миллионов, в Дальневосточном федеральном округе - 6,2 миллиона человек, вся таблица Менделеева за Уралом - вы чего делаете?!*» (2018 г.). «*Вопросы малонаселенности и миграционной активности населения с территориями «за Урала» делают актуальной демографическую проблему*» (2006 г.), «*Вы сегодня говорили о сложностях, которые есть, о незаконной миграции, а вот у нас внутри страны существует такой западный дрейф, когда в мегаполисы народ из-за Урала, что называется, мигрирует*» (2012 г.). Депутаты затрагивают темы индексации пенсий, регионального коэффициента зарплат и льготной преференциальной политики: «*Огромное количество земель на Урале, на Дальнем Востоке - неужели нам жалко поддержать наших сотрудников вот такой эффективной льготой?*» (2011 г.).

Название макрорегиона Урал используется для разграничения страны, показывая неравномерность экономического развития России. Упоминание неравномерности развития страны включает в себя образ двух частей страны: до Урала и за Уралом. Особо подчеркивается малозаселенность страны за Уралом. При этом упоминание Урала акцентирует внимание на регион, как один из мощных промышленных регионов России: «Урал промышленный, Урал полярный».

В историческом контексте Урал часто фигурирует как предмет для осуждения советского прошлого со стороны фракций «Единая Россия» и ЛДПР (упоминание репрессий, темы Гражданской войны): «*В период с 1919 по 1933 гг. в ходе террора было истреблено более 70 процентов казаков Дона, Кубани. Были почти полностью уничтожены казаки Терека, Астрахани, Урал*» (2009 г.). Представители КПРФ ссылались на Урал как на регион с промышленным потенциалом, называя его тылом времен войны. Зауралье также упоминается как место эвакуации заводов и населения из центральных регионов.

Депутаты ставят проблему неразвитости инфраструктуры «за Уралом»: «*Подчеркивалось необходимость развития Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей: мы говорим, в Сибири, за Уралом, до Байкала, за Байкалом? Да потому, что все мощнейшие реки находятся там, все самые мощные гидростанции находятся там и, безусловно, гидроэнергетика значительно дешевле*» (2007 г.).

Природа Урала в депутатском дискурсе характеризуется в негативном плане из-за экологических проблем в регионе. Выбросы предприятий в реки, загрязнение природы и снижение пригодности

сти для проживания в регионе акцентируются в выступлениях депутатов: *«Еще в советское время мы отметились крупнейшими катастрофами мирового масштаба вроде Чернобыля, радиоактивного заражения Урала»* (2005 г.). В то же время – наличие рек на Урале служат источником гидроэлектроэнергии в регионе: *«И водные запасы огромные, но в европейской части всего 10 процентов, остальное – за Уралом»* (2007 г.). В целом, природа Урала благоприятна для развития туризма и формирует одну из перспективных ниш для будущего развития территории: *«Политический вывод здесь один: надо развивать собственные курорты – Сочи, Красную Поляну, зону Байкала, зону Селигера, Алтай, курорты Сибири и Урала, то есть зажигать надо на родине, всё, так сказать»* (2007 г.).

Временной ориентир контекста выступления по оси прошлое – настоящее – будущее

Группировка выступлений по линии «прошлое – настоящее – будущее» показывает, что Урал и «за Уралом» в подавляющем большинстве случаев рассматривается в настоящем времени, констатируя особенности и проблемные точки территории на момент выступления депутатов. Прошлое территории связано с историческим контекстом и по большей части опирается на советский период, в который актуализировалась индустриальная специфика территории: *«Значительная часть этой магистрали была построена еще в 1980-е гг. прошлого века, и целью этой стройки было повышение надежности электроснабжения Урала и европейской части России»* (2005 г.).

Таблица 3

Контексты дискурса об Урале по линии прошлое – настоящее – будущее (количество сообщений)

Будущее	50
Настоящее	170
Прошлое	38
Общий итог	258

Источник: составлено авторами.

Фокус будущего может быть проиллюстрирован выступлением 2018 г. депутата от Омской области Кравца Александра Алексеевича: *«Выстрел «Авроры» – это выстрел в демонов наживы, в демонов национализма, в демонов развала нашей страны, это был прорыв в будущее, а прорыв в будущее в нашей стране всегда обеспечивался мощным уникальным потенциалом, что бы там ни говорили о мессианской природе нашей Родины и нашего народа, ибо мы обладаем, по сути дела, третью мировых запасов природных ресурсов, и практически большинство из них находится за Уралом, на той территории, которая называется Сибирью»*. «За Урал» здесь связан с важной стратегической ролью, обеспечивающей развитие всей страны: *«...ядерный пожар разорвет Россию пополам, парализует транспортную систему, экономику Урала и Сибири, поставит под вопрос целостность страны, миллионы жителей будут отрезаны от европейской части»* (2005 г.).

Будущее территории связано с расширением льготных преимуществ (например, расширение границ дальневосточного гектара): *«Да для того, чтобы распределить, надо сначала заработать и надо дать людям достойно трудиться, за хорошую зарплату. У страны есть такая возможность. И речь не только о европейской части, но и о Сибири, об Урале»* (2006 г.). Также важным является решение проблемы малонаселенности: *«И стимулировать переезд людей за Урал, тогда мы сразу решаем проблему: и детей больше, и там, где нам надо, – за Уралом»* (2006 г.).

* * *

Определяя доминирующие пласты дискурса депутатов относительно Урала, можно отметить, что общая картина взгляда на территорию попадает в сложившиеся представления об Урале: граничность, индустриальность, связь со значимыми историческими сюжетами. Анализ дискурса депутатов относительно макрорегиона Урал показывает, что регион, в первую очередь, используется для разграничения страны. Упоминается не Урал, а именно «за Уралом» (две трети от всех текстов), Урал в свою очередь связывается с промышленной спецификой и граничной ролью опорного срединного

региона. Будущее территории связано с его настоящим и прошлым, оно основано на его стратегическом положении. В контексте будущего именно решения по поводу «за Уралом» в рамках преференциальных мер в демографической и социально-экономической политике должны решить ключевую проблему, которой депутатский дискурс считает малонаселенность.

Доминирующим субъектом, формирующим дискурсивное пространство вокруг Урала, является В. В. Жириновский, лидер фракции ЛДПР. В его выступлениях был также актуализирован политический пласт будущего территории в рамках вызовов миграции и проблемы безопасности границ. Однако выступления (первой половины 2000-х гг.), в которых он прогнозировал в ближайшие 10–15 лет угрозу исламизации Урала не сбылись и показывают скорее специфичность взгляда автора, чем ее типичность для всего депутатского дискурса.

В контексте критики «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.» можно отметить, что дискурс депутатов Госдумы по поводу одного из макрорегионов России выглядит вполне конкретным, но при этом он не ориентирован на сам Урал как таковой, в предметном настоящем и будущем. Для депутатов критически важна его граничность, функция территориального разделения страны, и характеристики, в большинстве унаследованные из прошлого. Сам Урал остается малопроявленным и малопроясненным. Представляется, что это коррелирует с критикой выделения макрорегионов в Стратегии как малопредметных и недостаточно осмысленных сущностей. Также депутаты демонстрируют особое внимание к удаленным и пограничным территориям, прежде всего, к «дальнему востоку» и «северу», что соответствует логике выделения «геостратегических территорий» в Стратегии. Можно предполагать, что и остальные макротерриториальные сущности в дискурсе депутатов имеют столь же отсылочный характер, но это требует специальной проверки.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00624 «Будущее России: содержание, смыслы и границы национального согласия».

Список литературы / References

- Анимитца, Е. Г., Глумов, А. А. (2006) 'Особенности и основные черты развития среднего региона (на примере Уральского экономического района)', *Известия Уральского государственного экономического университета*, 4 (16), сс. 169–185. [Animitsa, E. G., Glumov, A. A. (2006) 'Features and main features of the development of the middle region (on the example of the Ural economic region)' [Osobennosti i osnovnye cherty razvitiya sredinnogo regiona (na primere Ural'skogo ekonomicheskogo raiona)], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 4 (16), pp. 169–185. (In Russ.)].
- Белоусов, К. И., Лабутин, И. А., Рябинин, К. В., Сулимов, К. А. (2020) «Депутатская картография» на материале стенограмм заседаний ГД РФ», *Вестник Пермского университета. Политология*, 14 (4), сс. 138–152. [Belousov, K. I., Labutin, I. A., Ryabinin, K. V., Sulimov, K. A. (2020) '«Deputies Cartography» on the material of the stenograms of the sittings of the State Duma' [«Deputatskaya kartografiya» na materiale stenogramm zasedanii GD RF], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14 (4), pp. 138–152. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-138-152.
- Бенц, Д. С. (2020) 'Тренды развития Уральского макрорегиона', *Вестник Челябинского государственного университета*, 2 (436), *Экономические науки*, вып. 68, сс. 92–101. [Benz, D. S. (2020) 'Ural macroregion: the development trends of its subuects [Trendy razvitiya Ural'skogo makroregiona], *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2 (436), *Economic Sciences*, iss. 68, pp. 92–101. (In Russ.)].
- Блануца, В. Б. (2020) 'Перспективы пространственного развития геостратегических территорий Российской Федерации', *Вестник Пермского университета. Политология*, 14 (4), сс. 27–38. [Blanutsa, V. B. (2020) 'Spatial development prospects for geostrategic territories of the

- Russian Federation' [Perspektivy prostranstvennogo razvitiya geostrategicheskikh territorii Rossiiskoi Federatsii], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14 (4), pp. 27–38. (In Russ.)). DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-27-38.
- Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. (2021) 'Стратегия пространственного развития и основные направления ее актуализации', *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 1, сс. 7–23. [Ivanov, O. B., Bukhvald, E. M. (2021) 'Strategy of spatial development and the main directions of its actualization' [Strategiya prostranstvennogo razvitiya i osnovnye napravleniya ee aktualizatsii], *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 1, pp. 7–23. (In Russ.)].
- Кузнецова, О. В. (2019) 'Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем', *Пространственная экономика*, 15 (4), сс. 107–125. [Kuznetsova, O. V. (2019) 'Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation' [Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: illyuziya reshenii i real'nost' problem], *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 15 (4), pp. 107–125. (In Russ.)]. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125
- Лексин, В. Н. (2019) 'Дороги, которые не мы выбираем (о правительственной "Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года")', *Российский экономический журнал*, 3, сс. 3–24. [Leksin, V. N. (2019) 'The roads that we do not choose (on the government «Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025»)' [Dorogi, kotorye ne my vybiraem (o pravitel'stvennoi" Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda)], *Russian Economic Journal*, 3, pp. 3–24. (In Russ.)].
- Матвеев, А. К. (1961) 'О происхождении названия "Урал"', *Вопросы истории Урала*, вып. 39, ч. 1, Свердловск, Ученые записки Уральского государственного университета, сс. 25–30. [Matveev, A. K. (1961) 'About the origin of the name "Ural"' [O proiskhozhdenii nazvaniya "Ural"], *Voprosy istorii Urala*, 39 (1), Sverdlovsk, Uchenye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 25–30. (In Russ.)].
- Назукина, М. В., Сулимов, К. А. (2021) 'К измерению образа будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы (на примере территориально-политических представлений)', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13 (1), сс. 1–18. [Nazukina, M. V. and Sulimov, K. A. (2021) 'On measuring the image of the future in the discourse of the Russian State Duma deputies (as based on territorial-political representations)' [K izmereniyu obraza budushchego v diskurse deputatov Gosudarstvennoi Dumy (na primere territorial'no-politicheskikh predstavlenii)], *Ars Administrandi*, 13 (1), pp. 1–18. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18.
- Назукина, М. В. (2015) 'Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России', *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 6, сс. 37–47. [Nazukina, M. V. (2015) 'Urals Macroregion in the System of Territorial Identities of Modern Russia' [Ural'skii makroregion v sisteme territorial'nykh identichnostei sovremennoi Rossii], *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 6, pp. 37–47. (In Russ.)]. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-6-37-47.
- Татаркин, А. И. (2005) 'Социально-экономический статус срединного региона России', *Экономика региона*, 2, сс. 5–22. [Tatarkin, A. I. (2005) 'Socio-economic status of the middle region of Russia' [Sotsial'no-ekonomicheskii status sredinnogo regiona Rossii], *Ekonomika regiona*, 2, pp. 5–22. (In Russ.)].
- White, M. D., Marsh, E. E. (2006) 'Content analysis: A flexible methodology', *Library Trends*, 55 (1), pp. 35–36. DOI: 10.1353/lib.2006.0053.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2021

Статья принята к печати: 10.11.2021

MACRO-REGIONS IN THE TERRITORIAL-POLITICAL DISCOURSE OF DEPUTIES OF THE STATE DUMA (ON THE EXAMPLE OF THE URALS)

M. V. Nazukina, K. A. Sulimov

M. V. Nazukina, Candidate of Political Science, Associate Professor,
Perm State National Research University:
Researcher,
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0190-0513).

K. A. Sulimov, Candidate of Political Science, Head of the Department of Political Science,
Perm State University.
E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

Abstract

The article focuses on the discourse of the deputies of the State Duma of the Russian Federation on the macro-regions of Russia in relation to the provisions of the "Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025". The strategy introduces the concepts of "macro-regions", the "geostrategic territories" and the others. The strategy received a critical assessment for its declarative nature and preservation of the binding of macroregions to the grid of federal districts, the inconsistency of goals and meanings of spatial strategizing. It seems that one of the reasons for the unsatisfactory quality of the Strategy is the general discursive uncertainty and lack of clarity of the possible territorial development of the country in the views of the Russian political and administrative class, segment of which is the State Duma deputy corps. The analysis presented in the article tests this assumption on the material of the speeches of deputies at plenary sessions with references to Russian macroregions. The data set is a sample of transcripts that covers the period 2004–2019 and includes about 150 thousand legislative speeches from more than 1000 deputies distributed among party factions and four convocations. The results of the analysis show the special attention of deputies to remote and border territories, first of all to the "Far East" and "North". This corresponds to the logic of allocating "geostrategic territories" in the Strategy. The image of the Ural macroregion reflects the prevailing ideas about the Urals: industrialism and connection with significant historical plots, as well as borderline – a function of dividing the country. The Urals itself remains poorly manifested and poorly explained in the context of the present and future.

Keywords: Russia; State Duma; territorial image; macroregion, Ural; content analysis; discourse analysis; spatial development; state policy.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00624 "Russia's future: content, rationale and boundaries of national consent".